

ИВАН АЛЕКСАНДРОВСКИЙ

МЕДНЫЙ ГОЛУБЬ С ТЯЖЁЛЫМ КРЫЛОМ

НАЗЛО СЕДОМУ ЯНВАРЮ

А я картошечку сварю
и к ней селёдочку достану.
Назло седому январю
грустить и мёрзнуть перестану.

Ко мне приехали друзья
и принесли “чего покрепче”.
И стало ясно, что не зря
мы столько ждали этой встречи.

Но я в сердцах “переберу”
и, озираясь, как предатель,
запретный номер наберу
на телефоне у кровати.

И под протяжные гудки
жизнь проплывёт перед глазами,
как тот буксир с ночной реки,
что так дымил, прощаясь с нами.

АЛЕКСАНДРОВСКИЙ Иван Александрович родился в 1977 году в Москве, в многодетной семье. Окончил Московский государственный агроинженерный университет имени В. П. Горячкина по специальности “инженер-механик”, с 1998-го по 2001 год — аспирантуру ГОСНИТИ, к. т. н. В настоящее время работает в компании по производству печатной и наружной рекламы. Живёт в Москве.

ВОРОНИЙ ГЛАЗ, ЗЕЛЁНЫЙ ВОРОТНИК

Моей судьбы растительный двойник,
Вороний глаз, зелёный воротник,
Я всё-таки тайком тебя коснулся.

Как мне знаком твой ядовитый взгляд,
Он тот же, что и тридцать лет назад.
Я словно за ключом домой вернулся,

И мы в дверях друг друга узнаём.
Я вижу отражение своё
Как будто в тёмном зеркале прихожей.

И ухожу. И запираю дверь.
Но чувствую: ты смотришь и теперь,
Сквозь двери и года входя под кожу.

* * *

На поиск лодки непришедшей
Послали люди вертолёт.
И день, казалось бы, прошедший,
Никак к финалу не придёт.

Никак не кончится качанье
Огня над пропастью во мгле,
Как жест извечного прощанья
Людей с надеждой на земле.

* * *

На одном из тысячи подобных
Островов Карибского бассейна,
В эру карт и лодок допотопных,
Как-то раз моряк нашёл спасенье.

Как спасенье? — просто передышка.
Как нашёл? — русалка подсобила.
Только остров — райский даже слишком,
Жизнь его ещё не заселила.

Щебень из ракушки и коралла,
Горькая трава да кустик хвойный.
Знать, морская ведьма покарала,
Утонул бы честно и достойно.

И кричать, и верить бесполезно,
И во рту — ни маковой росины.
А она поёт, несёт из бездны
Раковин волшебные кувшины.

Как насмешку над своей судьбою,
В ней он будто видит человека.
А она играет в прибое,
Словно дразнит: догоняй, калека!

На земле ему одна могила.
И топиться заново противно.

Прикусил язык, что было силы,
И уснул на выброшенной тине.

Всю посуду в гневе перебила
Плачущая внучка Океана
И в порыве этом превратила
Моряка в седого пеликана.

А потом туда туристов стали
Привозить на лодках из отелей.
А они чужое щебетали,
По-чужому на него смотрели.

Пеликан парит над черепками —
Ни собрать, ни склеить их увечья.
И молчит совсем по-пеликаньи,
И глядит почти по-человечьи.

* * *

Тёмная бабочка с белой каймой,
ты отчего так кружишь надо мной?
Не улетаешь и не садишься,
словно в невидимый купол стучишься.

Грешен я, грешен по вере любой!
Может, мы этим похожи с тобой?
Или ты ловишь за хриплым дыханьем
тяжкие мысли о покаянье?

Или я занял земли лоскуток,
мокрой спиной упав на цветок?

ФАКИР

Из саркофага кофра
(бархат багряный зева) —
чёрная шея кобры,
медное тело девы.

Колья колков под лаком
или клыков колких.
Кто вам, виола, лаком?
Кроликов вам скольких?

Джентльмены и — о, леди! —
вот и факир во фраке —
бредит, небрит и бледен,
как вурдалак во мраке.

Вздрагнет, рукой крюкастой
чёрную шею схватит,
тело змеи задушит,
медное — обрюхатит.

Грим огранят гримасы,
словно из воли волны,
словно от этих пассов
до сквернословья больно.

Крови напьётся кролик
собственной, без обмана,
и напитает кровью
бархатный храм брахмана.

* * *

Большой ночной павлиний глаз —
большая бабочка ночная —
в тот вечер обручила нас,
наверняка о том не зная,

как ты зашла за волнорез
и, круг проплыв в сиянье лунном,
одежды выходила без
на камни, словно шла по струнам.

Ни спрятаться, ни упредить,
как будто бабочка большая
присела на твоей груди,
кругов коснуться приглашая.

По-подростковому смешон,
я, от виденья камня,
на этот бархат, этот шёлк
глядел, притронуться не смея.

Луна в лагуне, раздвоясь,
манила молодость на скалы,
и надо мною власть твоя
незримо крылья расправляла.

СПАСИТЕ ЖЕНЩИНУ

Спасите женщину, она в глухом саду
моих грехов незримых заблудилась,
не дозвалась меня, не добудилась,
но до сих пор всё кличет на беду.

Прошу, уйди, я не желаю зла.
Спасибо, милый друг, что принесла
своё сердечко — аленький цветочек.
Как светится, трепещет, кровоточит!

Оставь его и поспеши назад,
снеси кольцо волшебное в ломбард,
но помни сновидение дурное:
сад Мандельштама, остров на пруду,
где ты у сказки злой на поводу
поцеловала чудище лесное.

* * *

Вьюнок на чугунной ограде —
рисунок на белой стене,
в моём растворяется взгляде,
ознобом ползёт по спине.

На ощупь, неспешно, упорно.
Но что будет делать змея,
когда потеряет опору,
достигнув вершины копья?

2017

В пламенном трепете осени —
Россыпью тени примет:
Крупные красные оспины
Зримый оставили след.

Город ветрянкою мается,
Гладит порывисто лоб,
Жар на ветру разгорается,
В теле гуляет озноб.

Все разбежались по случаю,
В парке введён карантин;
Больно зараза летучая,
Вот и шатаюсь один.

Память сердита и дешёва —
Высшая, в сущности, блажь.
Только, смотри, не расчѣсывай.
Хочешь, зелёной замажь.

* * *

Хороводы разводов и встреч,
Да банкетов невнятная речь.
От чугунных, стальных голубей
Мир шумней, веселей и грубей.

Воркования слушая их,
У гранитных ступеней притих
За пустым невысоким столом
Медный голубь с тяжѣлым крылом.

Сизых туч толкотня на ветру,
Те же тени на новом пиру;
Спотыкается на пустоте
Взгляд — ну вот, улетел.
Улетел.

* * *

Спокойной ночи, красота.
Ты, как в упрёк мне, спать не хочешь,
Иль вовсе не умеешь спать,
Но всё равно — спокойной ночи.

Тебя непросто удивить,
Ты столько вынесла. И всё же
Пускай хотя бы в эту ночь
Тебя ничто не потревожит.

И не нарушит ровный ход
Богини вечной и несчастной
Ни ветер мусорный, ни шум
Семейной сцены безобразной.

Мои кошмары ждут меня.
Живи, чего угодно ради,
Ночным дозором обходя
Людьми разрушенное за день.

Из плена грубости слепой
Земля тебе навстречу выйдет,
И будешь ты сама собой,
Пока тебя никто не видит.